

Посвящается Доре

Past Perfect

Мальчик сказал «проблемка» вместо «проблема», и первое, о чем Васьвась подумала: «А, он из тех, кто изъясняется уменьшительно-ласкательными словечками». Мальчик, конечно же, представился в начале встречи, но она плохо запоминала имена, отметила про себя лишь, что у него немецкая фамилия из двух слогов: что-то там и «манн» — «мужчина». Но Васьвась называла мальчиками всех мужчин в диапазоне от «мальчик на вид» до «мальчик в душе». Конкретно этому — ноги скрещены в лодыжках, вельветовые брюки древесного цвета и черная водолазка в стиле «мы-против-дресс-кода», запах дезодоранта с непременным *temptation* в названии — можно дать лет двадцать пять, только вот борода, выкрашенная в жемчужный оттенок по нынешней геронтофильской моде, затрудняла определение возраста.

Вроде симпатичный мальчик, но раздражал жутко. Примерно на пятой минуте разговора Васьвась поняла почему. Рот! Уголки его губ словно кто-то приклеил к щекам скотчем. Ей стало любопытно, перестанет ли он протокольно лыбиться,

если под нос ему сунуть дохлую крысу. Когда секретарша — тетка лет пятидесяти с невидимой бегущей строкой над головой «мы-против-стереотипов-о-секретаршах» — внесла поднос, Васьвась на секунду показалось, что та прочла ее мысли и решила провести эксперимент с крысой. Но на подносе стояли три кофейные чашки, такие крошечные, что Васьвась с Шалевским невольно переглянулись: дома они привыкли пить кофе из пузатых кружек, украденных на гамбургской рождественской ярмарке. Ну как украденных — они честно заплатили за них залог в пару евро, просто не вернули. Ярмарка та почти сорокалетней давности проводилась с пометкой «восемнадцать плюс». На кружке Васьвась красовался голозадый Санта-Клаус в солнцезащитных очках, на кружке Шалевского — снеговик, который распахивал плащ как эксгибиционист. А ведь Шалевский мог запросто выбрать для *PastPerfect* именно тот день, хоть бы и шутки ради: надувной розовый фламинго, парящий над площадью, елочные игрушки в виде фаллосов, леденцы в виде фаллосов, ледяные скульптуры в виде — да, снова фаллосов, развешанные на прищепках семейники под козырьками киосков, аромат жареных сосисок. Пьяные от глинтвейна и какого-то совершенно нереального киношного Рождества, они примеряли вязаные шапки с ушками, грызли орешки в сладкой глазури — один кулечек на двоих, — гуляли по сияющему Репербану, много, неприлично много смеялись, точно школьники, разглядывая витрины секс-шопов, сражались с чайкой за сэндвич с селедкой — не спрашивайте, — но Васьвась помнит

и другое: как мокрые следы от поцелуев стили на ветру, как коченели пальцы, несмотря на шерстяные перчатки, как невыносимо было слушать по десятому кругу *Last Christmas* — она ни за что не согласится на голос Джорджа Майкла на повторе до окончания времен.

— Я бы сказал даже, маленькая неувязочка.

Манн подхватил кофейную чашечку двумя пальцами и беззвучно отпил, демонстрируя невероятные способности лицевых мускулов, — Васьвась даже решила провернуть такой трюк дома перед зеркалом и проверить, получится ли у нее одновременно растягивать губы в улыбке и складывать их трубочкой, чтобы пить. Выглядело отпадно.

Шалевский тоже потянулся к кофе, только чтобы занять чем-то руки. Ни молока, ни сахара — эту экологически чистую дрянь он точно в рот не возьмет. Примостившись на самом краешке кресла, Шалевский подался корпусом вперед и по привычке чуть повернул голову влево, наверняка полагая, что никто не замечает этой странной манеры, — Васьвась столько раз говорила, что ему пора купить слуховой аппарат, но он отмахивался, не желая признавать очевидное. Выпендривался: «Я все равно могу предугадать каждое твое следующее слово». Тогда она называла что-то совсем непредсказуемое вроде «колоратура», и он переспрашивал: «А?»

Манн продолжил:

— Поскольку вы подаете заявку как пара, — «Спасибо, что не “парочка”», — успела подумать Васьвась, — нам необходимо, чтобы даты совпадали.

В ваших анкетах указаны разные дни. Вероятно, мои коллеги не прояснили вам, что день должен быть один. Один на двоих.

В отличие от нее, Шалевский не мог сопротивляться действию зеркальных нейронов и растерянно улыбался Манну в ответ, не понимая, что, собственно, происходит. «Дура, какая же я дура!» — пронеслось в голове Васьвась.

— Боюсь, я могла что-то напутать, — тихо сказала она, стараясь не смотреть в сторону Шалевского. — Вечно у меня проблемы с этими цифрами...

— Ничего страшного. Необязательно решать прямо сейчас. Вы можете взять время на подумать.

— Но мы же решили... — подал голос Шалевский.

— Ерунда, — проговорила Васьвась, чувствуя, как пылают щеки, точно у школьницы, сделавшей глупую ошибку в слове «молоко» — оно же маячило у нее перед глазами каждый день за завтраком. — Всего лишь опечатка, давайте я...

— Как я понимаю, торопиться некуда, — Манн, ни на минуту не переставая улыбаться, сверился с данными в планшете.

Наверняка перепроверял пункт «Неизлечимые болезни».

— А если мне завтра кирпич на голову упадет? — попытался пошутить Шалевский, но Манн счел это риторическим вопросом.

Честно говоря, Васьвась ничего не напутала. Васьвась поняла инструкции правильно с самого начала. Но в последний момент она машинально

вписала в строчку анкеты другую дату, не ту, что они сто раз обговорили с Шалевским. Просто помутнение какое-то. А все из-за той художницы с черными пятками, черт бы ее побрал.

Первый детский опыт столкновения со смертью Васьвась пережила нетривиально. Беда пришла откуда не ждали, как сказала мама. У всех нормальных людей ведь как: дедушка или рыбка. А у Васьвась — *особенная ты наша* — была лампочка, самая обыкновенная лампочка накаливания в прикроватном ночнике под абажуром, которая однажды взяла и перегорела. Не лопнула даже, просто перестала работать. Когда папа выкрутил лампочку, чтобы заменить на новую, и понес к мусорному ведру, трехлетняя Васьвась разрыдалась. Как она объясняла уже в зрелом возрасте, откровенничая по пьяни со знакомыми на вечеринках: в тот момент Васьвась остро почувствовала временность вещей. Потом она еще несколько лет оплакивала севшие батарейки в пульте от телевизора или пожухлую новогоднюю ель, провожая ее в последний путь на свалку — по старой русской традиции в начале мая. «Ничто не вечно под луной», — нараспев декламировал папа, подметая желтые иголки, и все в Васьвась протестовало. Первоклассница Василина Васильевна посчитала себя уже достаточно взрослой, чтобы не истерить прилюдно из-за увядших восьмимартовских тюльпанов, но тайком продолжала предаваться грусти и засушивать их лепестки между страницами книг, пытаясь вернуть зыблемый мир в незыблемое состояние. Когда в августе девяносто девятого

умирала прабабушка, мама опасалась нервного срыва, но Васьвась держалась на удивление спокойно. К тому времени она поняла, что о страхе смерти, вообще-то, не принято говорить. Даже в те свободные годы, когда разрешили говорить про секс. Никому, кроме Шалевского, Васьвась не призналась, что в юности посреди ночи могла проснуться с сердцем, отбивающим на ребрах чечетку, потом лежать до рассвета с открытыми глазами, пытаясь постичь концепцию смертности. Никому, даже Шалевскому, Васьвась не признавалась, что просыпается так по ночам до сих пор. А ведь ей уже стукнуло шестьдесят пять. Вот мама, например, в ее возрасте — *как нормальный человек* — научилась принимать смерть как данность: «Что поделать, такова жизнь». А Васьвась продолжала сопротивляться. Ей казалось, она стоит в одиночном пикете с самодельным плакатом «Нет смерти», пока все вокруг, смирившись, отбрасывают коньки.

Когда СМИ сообщали об уходе из жизни очередной голливудской актрисы, Васьвась первым делом выясняла, сколько той было лет, как будто это хоть как-то могло помочь ей понять, сколько времени в запасе есть у нее самой. Робин Райт, например, умерла в возрасте восьмидесяти четырех. На большие экраны повторно выпустили сериал *Ludmila*, в котором она сыграла оscarоносную роль известной первой леди. Кстати говоря, модного нынче развлечения — смотреть целые сезоны сериалов в кинотеатрах, зависая там по десять часов кряду, — Васьвась не понимала. Николь

Кидман пережила Райт на два года. Ходили слухи, что для *PastPerfect* она выбрала день развода с Томом Крузом из-за тех знаменитых фотографий, которые гуляли по сети, но на самом деле, когда она скончалась от инфаркта, программа только начинала третью стадию тестирования и еще не вышла на широкую аудиторию. Тильде Суинтон — Васьвась боготворила ее в юности — в этом году исполнилось девяносто пять, но она, кажется, и не собиралась умирать.

Программа *PastPerfect*, или *ПэПэ*, как называли ее в народе, стала доступной для простых смертных («простых бессмертных» — шутил Шалевский) с прошлого апреля. Васьвась с ее скромным воображаемым плакатиком «Нет смерти» будто обнаружила себя в центре массового протеста. Программа не обещала решить проблему смерти, но она предлагала выбрать загробную жизнь. Больше, чем ничего. Васьвась тотчас же встала в очередь на подачу заявки. Благо денег они скопить успели. Шалевского долго уговаривать не пришлось: новые технологии приводили его в абсолютно детский восторг, а после экскурсии по «райскому саду» он так вообще согласился *в гроб хоть сейчас*.

Знакомство потенциальных клиентов с *ПэПэ* начиналось именно с экскурсии. Маркетинговая стратегия была рассчитана верно: «райский сад» действительно впечатлял.

Мама Васьвась почти всю жизнь проработала редактором новостей на региональной телестудии, где иногда устраивали день открытых дверей для детей сотрудников. Васьвась хорошо помнила, как

однажды ее, маленькую, пустили за кулисы прямого эфира, наказав вести себя тихо-претихо. Несовершенная детская память множила ряд мониторов над режиссерским пультом в десятки или даже сотни раз. Картинки мельтешили перед глазами как разноцветные стеклышки в калейдоскопе. «Райский сад» напоминал ту аппаратную, только стоял совершенно безмолвный. И вместо взрывов, прорывов водопроводных труб, авиакатастроф здесь мелькали другие кадры. Вообще-то «сад» представлял собой крытый колумбарий: снаружи — восьмиэтажный бетонный куб без единого окна, по проекту какого-то известного австрийского архитектора, «квадратиш и практиш», такого стерильного белого цвета, который режет глаза, внутри — ряды многоярусных стеллажей, упирающихся в пятиметровые потолки, дорожки подсвечены аварийными огоньками, но основной свет идет от плазменных экранов, встроенных в плиты, которыми закрываются ячейки с урнами.

— Сначала мы хотели сделать виртуальное кладбище, но поняли, что людям все еще важны физические носители.

Экскурсию по «саду» проводила девочка, имя которой сразу же выветрилось из головы Васьвась. «Девочками» Васьвась называла только тех, кто ей нравился. Конкретно эта — и правда, молоденькая, строгий костюм в стиле «плевать-что-мы-против-дресс-кода», ежик на голове, выкрашенный под седину, — ей очень нравилась. Удивительно, как теперь девочки с идеальными личиками вместо того, чтобы втирать в кожу антивозрастные

крема, пририсовывают «складки скорби» вокруг подбородка коричневым карандашом.

— Неисправимый род человеческий, — пожалла девочка плечами. — Нам все еще важно место, куда можно прийти ножками и помянуть тех, кто нам дорог. Видео, которые здесь транслируются с разрешения клиентов, конечно, не в полной мере отражают опыт, который они переживают прямо сейчас, но мы хотя бы приблизительно можем представить, где они... вернее, их сознание находится.

Рекламные брошюры, по старинке отпечатанные на глянцевой бумаге и рассчитанные в основном на людей пожилого возраста, объясняли суть *PastPerfect* в слогане: *Relive, Rejoice, Repeat*. Из текста явно нарочно вырезали словосочетание «после смерти»:

«Закройте глаза и представьте, что [после смерти] вы можете вернуться в прошлое и прожить заново один день вашей жизни по выбору. Вспомните тот самый день, когда вы были по-настоящему счастливы: первое свидание, свадебное торжество, встреча с детьми или просто уютный день с кофе на любимом балконе. Программа *PastPerfect* дарит вам возможность возвращаться [после смерти] в это волшебное время вновь и вновь.

С помощью революционной технологии сохранения и активации сознания [после смерти] вы сможете полностью насладиться переживанием одного особенного дня. С *PastPerfect* ваши счастливые моменты станут вечными. Начните жить

[после смерти] так, как будто каждый день — ваш день. Не упустите шанс на бессмертие с *PastPerfect*».

Закольцованные видео, которые крутились в колумбарии, показывали только тизер к полнометражному двадцатичетырехчасовому кино — на основе данных нейросеть отрисовывала самые яркие моменты. «Ради рекламы, разумеется», — подумала Васьвась. Программа немого кинотеатра мертвых, как она окрестила его про себя, не отличалась разнообразием. Первое, что приходило в голову при словосочетании «рай на земле», мелькало чуть ли не на каждом втором экране. Пальмы, полосатые шезлонги, коктейли с малюсенькими зонтиками, выкрученный на максимум лазурный цвет воды. Концепция пляжного отдыха всегда казалась Васьвась странной: год пахать, чтобы скопить на летний отпуск, а потом две недели таскаться на пляж как на работу. Вставать рано, пока южное солнце не озверело к полудню, соблюдать регламент — окунаться в море до шведского стола, а не после, иначе скрутит кишки, мазаться санскрином, не забывать переворачиваться на полотенце, равномерно обжариваясь со всех сторон, как баранина на вертеле, а после ужина спешить на набережную, чтобы не пропустить закат — будет что вспомнить на старости лет, и никто не расскажет, что на старости лет все эти бесчисленные закаты сливаются в один.

Именно такой день они и выбрали с Шалевским.

Когда Васьвась первый раз подошла к нему с вопросом: «Если бы ты мог вернуться только в один день нашей жизни, то какой?», он ответил

не задумываясь: «Жуан-ле-Пен». Сочетание звуков, как мадленка Пруста, мгновенно развернуло перед Васьвась воспоминания, и она кивнула: «Да, пожалуй».

— Я думал, чаще всего люди бывают счастливы в детстве, таким, знаете ли, чистым, незамутненным счастьем, — сказал Шалевский, когда они поднимались на последний этаж, где оставалось еще много пустых экранов, а оттого в «райском саду» заметно потемнело. — Но я не вижу здесь ни одного ребенка.

— Мы пытаемся реконструировать день из ваших воспоминаний как можно полнее, а детская память обычно хранит только какие-то вспышки, незначительные детали, — ответила девочка. — По ним почти невозможно восстановить даже несколько часов.

Как она объяснила, виртуальные декорации индивидуального эдема создавали по личным архивам, фотографиям, видео в соцсетях, кадрам с камер наружного наблюдения, дневниковым записям, заметкам, сообщениям, письмам, метеосводкам, которые хранились в интернете. Новому поколению, конечно, повезло больше, со всеми этими камерами на триста шестьдесят градусов, обилием 3D-контента, объемными видео с эффектом полного погружения. Поколению же старому приходилось чуть ли не щипцами вытаскивать детали обстановки из пиксельных снимков.

— Но в первую очередь мы ориентируемся на ваши воспоминания, — сказала девочка. — Работаем с теми, что есть, даже если они ложные.

Например, вы точно помните, что в тот день шел дождь, а погодные сводки утверждают обратное. Наш клиент всегда прав. Дождь так дождь. Мы *немного* переписываем прошлое, чтобы Тот Самый День как можно точнее совпадал с представлениями о нем.

«Каждому воздастся по вере его», — вспомнила Васьвась.

Шалевский открыл было рот, но девочка его перебила, словно догадавшись, о чем он собирается ее спросить:

— Нет, мы не можем добавить драконов, — улыбнулась она. — Вы не первый, кто спрашивает. Никаких фантастических элементов.

Васьвась не могла отделаться от мысли, что «райский сад» напоминает то старое приложение, популярное в ее молодости, где принято было демонстрировать счастье. Мама часто повторяла: «Счастье любит тишину», но все оказалось ровно наоборот: счастье выставляли напоказ, а... — подставить антоним счастья на выбор — скрывали. Мертвые будто тоже соревновались, чьи воспоминания лучше.

— Хотя нет, знаете, я про дождь неправильно пример привела, — сказала вдруг девочка. — Дождь никто не выбирает. Наоборот. Начитались романтической литературы, где погода должна соответствовать настроению героя. В нашем саду всегда солнечно. А я сама дождь больше люблю...

Последнее замечание прозвучало так просто-душно, что девочка тут же покраснела: говорить о себе с потенциальными клиентами — вопиющий

непрофессионализм. Васьвась мягко ей улыбнулась. Она тоже, если честно, предпочитала дождь.

— Люди часто называют самым счастливым днем появление ребенка на свет, но, судя по всему, никто не готов переживать роды снова и снова, — заметила Васьвась, оглядывая стеллажи.

— Да уж, — рассмеялась девочка. — Одна пара тут недавно чуть ли не поссорилась по этому поводу. Парам в принципе сложно. Люди помнят одни и те же события по-разному. Мы можем вместе находиться в совершенно пустой комнате всего пять минут, но после расскажем о ней непохожие истории. Вы запомните одни детали, я — другие. Поэтому наши гении сначала поработают с вашими воспоминаниями по отдельности, а потом станут их переплетать...

— Как косичку? — вставил Шалевский.

— Как сюжетные линии в кино, — улыбнулась девочка. — Пары вроде вас... Я имею в виду ваше поколение, часто останавливаются на дне свадьбы. Немного старомодно, но тем не менее. Сами знаете, свадьбы как феномен почти исчезли, а людям свойственно тосковать по традициям из прошлого. Но я искренне не рекомендую, — доверительно понизила голос девочка. — Клиенты выбирают раз за разом проживать торжество и только потом вспоминают расстройство желудка от нервов, натертые ноги, неловкий тост дяди Гены...

Им бы такое и в голову не пришло. Их свадьба точно не подходила под определение «самый счастливый день». Роспись на скорую руку в марте две

тысячи двадцать второго, без свидетелей, как идеальное преступление, за закрытыми дверями кабинета районного загса, который показался Васьвась каким-то голым — только стол, стулья с мягкими спинками и шкаф для бумаг. «Хоть бы картину повесили, — думала Васьвась почему-то обиженно, — или цветочки». На ней были джинсы и футболка — белая, как положено. Васьвась всегда считала, что выходить замуж так — особый шик, но при других обстоятельствах у нее были бы и настоящее платье, и прическа, и макияж, и отретушированные фотографии, по которым специалисты потом воссоздавали ее посмертие.

— Может, мой лучший день еще впереди? — спросил Шалевский.

— Что ж, устройте его и приходите к нам через годик, — улыбнулась девочка.

Когда они уже попрощались, Васьвась заметила на одном экране женщину. В отличие от других женщина не улыбалась. Глаза прикрыты, лицо сосредоточенно. Черное одеяние колыхалось от ее ломаных движений, а двигалась она все время, ни на миг не останавливаясь, как акула, — если замрет хоть на мгновение, пойдет камнем на дно. Женщина ступала по белому полотну, расстеленному на полу, танцуя какой-то странный угловатый танец. Ее ступни были вымазаны черной краской, они оставляли на холсте закрученные линии, пятна, прерывистые штрихи. Женщина нелепо вышагивала по кругу с негнушимися коленями, приседала, потом вытягивалась в полный рост, отставляла ногу и крутилась вокруг своей оси, взмахивала руками

над головой, словно птица, пытающаяся взлететь, выворачивала ступни, и черные линии следовали за ее движениями.

— Что это? — спросила Васьвась, указывая на экран.

Вопрос застал девочку врасплох, но Шалевский переспросил: «А?» — и у той прибавилось времени, чтобы подумать над ответом. Все-таки не зря она сразу понравилась Васьвась — девочка решила ответить честно:

— Перформанс одной художницы... Двадцатые, если не ошибаюсь. У нас не было ничего, кроме пары записей не очень хорошего качества, которые зрители выложили в интернет. Но она пожелала выбрать именно этот день. Притом что в то утро она проживала совершенно обыкновенную жизнь, не самую радостную, если честно: омлет подгорел и сработала пожарная сигнализация, палец порезала, когда открывала консервную банку, видимо, глубоко, потому что кровищи было... Вон, видно лейкопластырь. Первый день месячных, самый болезненный. Но она согласилась на все, лишь бы переживать создание картины снова и снова. Для нее эта работа значила очень многое...

Васьвась потом отыскала коротенькую заметку в сети: художница посвятила перформанс военнопленным, которых выгоняли зимой босыми на улицу и, потешаясь, снимали на видео, как те пытаются согреться, с трудом сгибая окоченевшие ноги, и вытаптывают снег до черной земли. На белоснежном полотне возникал абстрактный рисунок, который художница превратила

в искусство. После перформанса ее арестовали на пятнадцать суток.

На медицинском осмотре, сканировании мозга, на приеме у психиатра, во время ответов на миллионы вопросов, которые заняли не один сеанс, во время заполнения подробнейших анкет Васьвась думала только о художнице. Почти на автомате она вписала в опросник с предварительными датами другой день — *свой* день, — и так они с Шалевским попали к мальчику Манну.

— Как только вы будете готовы, — сказал он, — мы назначим новую встречу и обсудим дальнейшие шаги.

Манн пожал Шалевскому руку, повернулся к Васьвась и вдруг попросил ее остаться на пару слов. Спустя десять минут она вышла из его офиса, раскрасневшаяся и злая.

У входа в здание, как всегда, ошивались члены христианской общины, в основном молодые женщины в платочках и юбках в пол, сплошь серенькие, в тон сентябрьской погоде. Полиции, кажется, надоело разгонять их одиночные пикеты, к тому же они особо никому не мешали, просто молча стояли с плакатами: «Оцифровка сознания — против замысла Божьего», «Рай — это жизнь в Боге, а не в машине», «Кто продаст душу цифровому дьяволу, не войдет в Царствие Божие».

— Чего он хотел? — спросил Шалевский, раскрывая над ней зонт.

Васьвась дернула плечом.

— Уточнил, не смертельна ли моя молочница, которую я указала в хронических заболеваниях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru